

И.А. МОРОЗОВ, И.С. СЛЕПЦОВА

ДИСКУРСЫ ПАМЯТИ В МУЗЕЙНОМ ФОРМАТЕ СОВРЕМЕННЫЕ НАРРАТИВЫ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ¹

В статье проанализированы коммуникативные практики, связанные с трансляцией групповой и индивидуальной памяти в семейных (домашних) музеях, принципы организации пространства и предметного наполнения экспозиций, способы их фреймирования и символизации. Рассмотрены ситуации, в которых осуществляется трансляция нарративов о памяти, основанных как на шаблонных схемах (скриптах), так и на мультимодальных схемах с гибкими сценариями. Дискурс памяти возникает в процессе проблематизации музейного пространства. При этом эксплицированные значения, принадлежащие индивидуальной памяти каждого участника коммуникации, порождают новые коннотации, актуализируя общую культурную память на основе совместного эмоционального переживания и интерпретации развертываемых нарративов.

Ключевые слова: семейный музей, музеифицированное пространство, индивидуальная и коллективная память, дискурсы памяти, семейная история, нарратив.

В данной статье мы сосредоточимся на мало представленных в научных исследованиях типах мемориальных пространств и локусов, которые пока не имеют общего названия и для обозначения которых мы используем термины *семейный* или *домашний музей*, а также *музеифицированное пространство*². В существующих официальных реестрах музейных учреждений данная категория отсутствует. Наиболее близкой выделяемой единицей в них являются *частные музеи*³, которые в большинстве случаев создаются на основе личных коллекций⁴. Наполнение подобного рода музеев существенным образом определяется интересами и возможностями их владельца, поэтому их контент характеризуется эклектичностью и может включать в себя как предметы старого быта и документы, связанные с семейной историей, так и различные предметы, отражающие личные воспоминания и интересы. По своему функционалу семейные музеи сближаются с мемориальными, основной целью которых является увековечивание памяти определенных людей или событий. Они, как правило, посвящены истории семьи, поэтому героями их экспозиций являются представители предшествующих поколений данного семейства, которые часто обозначаются терминами «предки» или «род». Конечно, подобная привязка характерна для любого мемориального комплекса, однако в экспозиции семейного музея основной акцент делается на увековечивании памяти конкретных членов семьи, т.е. они

¹ Статья написана в рамках НИР ИЭА РАН № 0120-1370-995 «Кросскультурные и междисциплинарные исследования» и № 0177-2018-001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие».

² Каменецкий, Каулен 2001: 390-393.

³ Равикович 2001: 273.

⁴ Частные музеи России 2020.

являются *персональными*. Они близки к категории музеев, обычно называемых «дом-музей» или «квартира-музей», и часто обустроиваются по их подобию. Специфической чертой семейных музеев является их интерактивность, тот их статус, который мы обозначаем как *музеефицированное пространство*, соотносимое в официальных классификациях со статусом «средовой» или «живой» музей⁵. Если семейный частный музей включается в систему официальных туристических маршрутов и получает соответствующие для такого типа объектов характеристики, в частности, установленные часы посещения и иные требования, предъявляемые для музеев, то это может существенно изменять как наполнение, так и сопутствующие нарративы. Это способствует дополнительной мифологизации тех или иных экспонатов или сюжетов семейной истории для того, чтобы увеличить интерес и вовлеченность посетителей⁶.

Изучение концепта памяти в контексте семейной истории предполагает обращение к широкому кругу работ, посвященных исторической и культурной памяти⁷. Семейная память часто обсуждается в контексте соотношения коллективной и индивидуальной памяти⁸, хотя современные трактовки этих понятий предполагают их сложную дифференциацию и расширение номенклатуры различных типов памяти в разных дисциплинарных дискурсах⁹. Мы сужаем это поле до формата упомянутых музеев, рассматривая их как своеобразный механизм презентации семейной памяти и способ ее трансляции. Целью статьи будет исследование различных дискурсов, использующихся для репрезентации памяти в данных музейных топосах. Это могут быть как собственно *дискурсы памяти*, так и *дискурсы о памяти*. Понятие *дискурсы памяти* включает в себя все типы дискурсов, связанных с практиками памяти и реализацией ключевых потребностей ощутить причастность к значимым событиям или персонам прошлого, в т.ч. и дискурсы о памяти. *Дискурсы о памяти*, в свою очередь, включают в себя весь корпус нарративов, обосновывающих легитимность обращения той или иной группы или того или иного индивида к определенным дискурсам памяти. При их изучении мы используем методы и подходы дискурс-анализа¹⁰, который в последние десятилетия активно применяется при исследовании социальных практик. Использование методов дискурс-анализа при изучении социальных явлений позволяет выявить их универсальные закономерности¹¹ и помогает детально исследовать, как «социальная память “вырастает” из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые “вплетаются” в понимание настоящего»¹².

⁵ Каулен 2009: 51.

⁶ Ср. Частные музеи России 2019: 24, 60, 64, 138, 176, 244, 352, 456 и др.

⁷ Хальбвакс 2007; Нора и др. 1999; Рикёр 2004; Ассман 2004 и др.

⁸ Васильев 2008: 24-30.

⁹ Ср.: Рождественская, Семенова 2011: 27-48; Репина 2016: 82-99; Шуб 2017: 4-11.

¹⁰ Methods of critical discourse analysis 2001; Jorgenson, Phillips 2002; Макаров 2003.

¹¹ Fairclough 1992: 63-66; Fairclough 1995; Йоргенсен, Филлипс 2008: 118-131.

¹² Репина 2016: 84.

Нашей задачей является выявление дискурсивной специфики данных мемориальных локусов и пространств, а также типов порождаемых ими текстов о памяти. В статье использована информация о семейных музеях в сети интернет и полевые материалы авторов.

Принципы организации пространства семейных музеев

Выставочное пространство (экспозиция) семейных музеев, как и в других случаях, может быть наполнено любым контентом в зависимости от актуальной потребности, в т.ч. инсталляциями, которые позволяют объединить разрозненные и не связанные тематически предметы в единое целое, нередко заключающее в себе различные символические значения. Необходимо обратить внимание на то, как конструируется экспозиция музея. В ней наряду с фактами (документами и вещами), достоверно принадлежавшими или относящимися к семейной истории, используются и их аналоги (или имитации), которые призваны заполнить определенные лакуны в конструируемой семейной истории.

С точки зрения дискурс-анализа важно различие способов презентации индивидуальной и коллективной памяти в экспозициях музеев. В данном случае уместно применить понятие *фрейма*¹³. Эта структура содержит лишь самую существенную информацию, ассоциирующуюся с тем или иным концептом или ситуацией и предполагает наличие определенного базового знания у адресатов. Принцип фреймирования лежит в основе большинства экспозиций семейных музеев и задает определенную оптику их восприятия. Так, фрейм «Крестьянский быт» в отличие от фрейма «Быт городской интеллигенции (или дворянства)» предполагает особый тип этнографических экспозиций, текстов (фольклора и визуальных презентаций), практик (например, инсценировки традиционных обрядов). Напомним, что фрейм является *статичной структурой* (темой), которая при реализации дискурса дополняется подтемами (*слотами*), определяемыми сценариями взаимодействия акторов коммуникации. Это отражает динамику интеракций и позволяет эксплицировать заложенные в экспозициях скрытые смыслы, актуализировать их значения.

Представляется важным разграничить два способа фреймирования, определяющих принципы организации пространства семейных музеев и опирающихся на разные типы памяти. *Первый из них сосредоточен на репрезентации истории семьи*, что выводит на первый план определенный тип предметного и вербального нарратива, связанного с семейной памятью. Этот тип памяти исследователи обычно помещают на пересечении индивидуальной и коллективной¹⁴. Особенность дискурсивных практик этого типа заключается в акцентировании и локализации воспоминаний *общих* для всей семейной группы (то, что можно назвать «семантической памятью членов группы»¹⁵), даже если для этого используются факты из жизненной истории отдельных членов семьи. В этом

¹³ Макаров 2003: 153. Ср.: Гофман 2004.

¹⁴ Ср. Хальбвакс 2007, глава «Коллективная память семьи».

¹⁵ Шуб 2017: 8.

случае экспозиция строится вокруг событий, определяющих основные вехи биографий родственников, достигших наибольших успехов в той или иной сфере деятельности, и которыми, с точки зрения создателей музея, стоит гордиться. Тем самым выстраивается оценочная шкала, при помощи которой отбираются определенные факты из истории семейства, что обуславливает предметный состав экспозиции (фотографии, документы, личные вещи) и связанные с ними устные нарративы.

Особое место в экспозиции могут занимать отдельные вещи (*предметная память*)¹⁶, семейные реликвии, которые отмечают вехи жизненного пути представителей предшествующих поколений и характеризуют самые разные стороны их жизни: от рода занятий до личных пристрастий и увлечений – и являются своеобразными «капсулами времени» с посланием будущим поколениям¹⁷. Так, в музее семьи из деревни Губино «началось все с железнодорожного фонаря. Это семейная реликвия. Прадед работал на узкоколейке, подвозил торф к Шатурской ГРЭС во время войны»¹⁸. Ценность подобных предметов для потомков совсем не соотносится с их стоимостью как предметов антиквариата. Например, равно важны «прадедов самовар. Прадед привез его, когда вернулся из службы на флоте царской России»¹⁹, и «дедова фуражка, в которой он пришел с гражданской войны. Она так и висела нетронутая. Дедова! Трогать нельзя»²⁰, и милицейский свисток выпуска 1920-х гг., который достался жителю г. Бузулук Александру Грицаенко по наследству и положил начало семейному музею²¹.

Важное значение придается тем экспонатам, которые свидетельствуют о глубине семейной истории и апеллируют к семантической памяти семьи. В этом случае могут сталкиваться вещи из разных социальных групп, отражая социальные трансформации. Так, в экспозиции музея Недумовых «Путешествие в старину» наряду с лаптями, которые сплел дедушка еще до женитьбы в 1903 г., и другими предметами крестьянского быта, демонстрируются старинные книги, сумочка, веер и косметичка бабушки. «Моя бабушка была заядлая театралка, – вспоминает Лия Николаевна, – ходила на спектакли с вязаной сумочкой, в которой помещался вот этот веер, и косметичка с румянами и французскими духами. На руке она носила этот черненький серебряный браслет 1885 года, которые ей достался по наследству от прабабушки»²².

Аналогичные функции выполняют и семейные родословные. Родословная Недумовых, составлением которой занимается глава семейства, состоит из 37 поколений и включает более 15 тыс. чел., среди которых немало известных имен, в т.ч. Митрополита Московского и Коломен-

¹⁶ Ассман 2004: 20.

¹⁷ Jarvis 2003.

¹⁸ Домашний музей открыли жители Губино 2018.

¹⁹ Домашний музей, за который дают «Волгу» 2004.

²⁰ Истомина 2015: 583.

²¹ Назина 2019.

²² Баркова 2011.

ского Филарета, княжеский род Шаховских, Татищева, Пушкина и князя Засекина, основателя Самары²³. В экспозиции размещены фотографии тех людей, чьи имена можно найти на семейном древе, и тут же представлены принадлежавшие им вещи.

Важную роль играют также документы об участии отдельных членов семьи в тех или иных исторических событиях, включая семейную историю в широкий контекст исторической памяти. Статус «исторического артефакта» может присваиваться как районной или областной Почетной грамоте, например, о победе в социалистическом соревновании на производстве, так и документальным свидетельствам о мероприятиях государственного масштаба. Так, П.Н. Крылов, рассказывая о своей матери, Герое Социалистического Труда, Серафиме Константиновне Крыловой, с особой гордостью демонстрирует ее фотографию в составе участников XXIII съезда КПСС²⁴. Среди часто встречающихся в экспозиции артефактов и документов обращают на себя внимание фотографии или вырезки из газет, на которых члены семьи запечатлены со значимыми персонами. Например, в семейном музее Недумовых на видном месте находится фотография А.С. Недумова с известным телеведущим передачи «В мире животных» Николаем Николаевичем Дроздовым²⁵, который является его дальним родственником.

Второй тип дискурсов, определяющих принципы организации пространства семейных музеев, *связан с историей их создателей* и часто встречается в музеях, основанных на личных коллекциях или увлечениях, где семейная история нередко может оказаться погребенной под фактами личной биографии²⁶. В отличие от первого типа, экспозиция чаще выстраивается не по хронологическому, а по тематическому принципу, и нарративы, связанные с семейной историей, возникают во время рассказа о месте и значении отдельных предметов и документов в жизни хозяина музея. «Есть в музее один экспонат – рубанок: его Валерий бережет с той поры, когда ему было семь лет. Тогда он еще играл на скрипочке-четвертинке (она, как и рубанок, тоже в музее – в детской), и в их дом – мазанку – пришел немец из пленных делать ремонт. Попросил поиграть на скрипке, что сделал виртуозно. А на следующий день принес в подарок мальчишке рубанок, сделанный собственноручно, специально для него»²⁷. Особенность дискурсивных практик этого типа заключается в локализации воспоминаний отдельных членов семьи. Внук староверов часовенного согласия (Свердловская область) в рассказе о своем музее акцентирует внимание на сладостях, память о которых отсылает к семейным праздникам и является для него символом детства. «Жестяные коробки от чая, фантики те самые, 50-60-е. В детстве стави-

²³ Там же.

²⁴ Полевые материалы авторов (далее ПМА) 2017; П.Н. Крылов.

²⁵ В Тольятти семья собрала музей из вещей своих предков 2019.

²⁶ Бывшему губернатору и сенатору при жизни открыли личный музей 2019.

²⁷ Альперина 2015.

ли елку на Новый год. Мы впервые поставили на Новый 1965 год. Дома попались старые игрушки из папье-маше, конфеты “Маскарад”. Оказывается, елку ставили и раньше, просто я не помнил. И вот я покупаю старые елочные игрушки – те самые! Конфет “Маскарад” уже давно не выпускают, но фантики есть! Как и другие: “Чио-Чио-Сан”, “Ромашка”, “Светофор”, шоколад “Золотой якорь” – самый дорогой, 1 рубль 68 копеек стоил. Целое состояние!»²⁸. Повествуя о событиях своей жизни, связанных с предметом из экспозиции, человек, как правило, соотносит их с событиями в истории семьи: это могут быть как экскурсии в далекое прошлое, так и нарративы о современности, об интересных совместных путешествиях, о продвижении по карьерной лестнице, о браках, рождениях, смертях и т.д. Подобные воспоминания основаны на механизмах эпизодической или автобиографической памяти, опирающейся на события жизни человека в контексте семейной истории.

Важной чертой семейных музеев является их *интерактивность*, что дает возможность их осмыслять как *музеефицированное пространство*. Интерактив в музейном пространстве позволяет «оживлять» присутствующие в нем вещи не только при помощи нарративов, но и разного рода практик. Поскольку домашние музеи, как правило, не рассчитаны на регулярное посещение сторонними лицами, интерактивные элементы в них ориентированы прежде всего на круг близких родственников и знакомых, детей и внуков, что предполагает их использование в повседневном обиходе. В общедоступных семейных музеях это позволяет и посторонним посетителям. Так, в музее «Старинная квартира доходного дома» проводятся мастер-классы («Почувствуй себя гимназисткой», «Готовим по рецептам Молоховец», «Дамские штучки», «Организуем свой старинный праздник» и др.), участники которых включаются в ролевые игры, используя экспонаты музея. Например, наряжаются в старинные платья, чтобы поговорить о моде прошлых лет²⁹.

Музеефицированное пространство можно рассматривать как способ «естественного» функционирования семейной истории в повседневном обиходе. Это относится и ко многим музеям, расположенным в жилых квартирах³⁰, и к музеям под открытым небом, устроенным на подворьях, вроде музея братьев Тихоновых (с. Кирово Городище Сосковского района Орловской области)³¹. Стены хозяйственных построек представляют собой коллажи из предметов старого быта (утвари, орудий труда и иных хозяйственных принадлежностей, относящихся к первой половине XX века). Высохшие деревья на подворье превращены в стенды со старыми горшками, чугунками, колесами от телег и проч. Хозяйственные постройки, стены которых служат экспозиционной поверхностью, активно используются хозяевами усадьбы в повседневном

²⁸ Истомина 2015: 584.

²⁹ Этнографический музей «Квартира доходного дома им. Н.В. Юхнёвой»...

³⁰ Юхнёва 2018: 256-280; Сокольский 2020.

³¹ Кузнецов 2016.

быту. Музеефицированное пространство в подворье братьев Тихоновых, наряду с реконструированными ими святым источником и сельской церковью, интерпретируется как способ возрождения семейной и локальной традиции³².

Дискурс памяти в пространстве семейного музея

Стандартная схема дискурс-анализа предполагает акцент на трех элементах: *текст* (в широком смысле слова), прежде всего его лингвистические особенности; *дискурсивные практики*, т.е. процессы воспроизводства и потребления текста; *социальные практики*, связанные с данным коммуникативным событием³³. Необходимо учитывать факторы, формирующие особенности дискурса, в частности, его *внешние* и *внутренние контексты*³⁴. С точки зрения коммуникативной ценности развертываемых в пространстве музея интеракций представляется важным выделение таких компонентов, как *топик*, *формат* и *модус* дискурса, где топик – это содержание дискурса, выраженное в тексте, формат – его ситуативный аспект, а модус – эмоционально-стилевая составляющая, соответствующая типу социального взаимодействия и каналу общения³⁵. В контексте анализируемых нами музейных практик «топиком» являются представленные в семейных музеях экспозиции, рассматриваемые как культурный текст (традиционная одежда, старинное оружие или предметы и документы с советской символикой), а также иные элементы (например, название музея), которые в своей совокупности являются *пресуппозицией*, т.е. обладают конвенциональными значениями, соотносимыми с фоновыми знаниями и прецедентными текстами. Эти имплицитные смыслы (*имплицитурь*)³⁶ в процессе коммуникации могут легко считываться носителями определенного культурного кода и фактически обозначают культурную рамку, которой структурируется данное музейное пространство. Дискурс возникает в процессе проблематизации этого пространства, т.е. когда возникает потребность в его *экспликациях*, раскрытии содержащихся в нем смыслов.

Опишем общую схему реализации дискурса в семейном музее, используя стандартную процедуру *операционализации*. Поскольку экспозиция и пространство музея в целом организуются при помощи фреймирования, это предполагает, что создатели музея, выстраивая этот конструкт, опираются на определенный набор важных для них концептов. Понятно, что в данном случае наиболее востребованным оказывается фрейм «история семьи», включающий в себя сценарии «происхождение семьи» (родители, предки) и «потомки» (дети, внуки). В качестве подтем (слотов) в дискурсе часто встречаются «подвиг», «трудовая деятельность», «достижения», «травма», а их материальными презентация-

³² ПМА 2014; братья Г. и А. Тихоновы.

³³ Филлипс 2008: 120.

³⁴ Макаров 2003: 146-147.

³⁵ Карасик 2015: 73-79.

³⁶ Grice 1975: 43-58. Ср.: Макаров 2003: 83-85.

ми могут выступать вещи-символы, вещи-реликвии, которые служат *индикаторами* для экспликации скрытых в конструкте музея смыслов. В случае коммерциализации музея или превращения в общедоступный, на первый план выходят другие смысловые рамки, определяющие фреймирование его пространства. Например, в семейном музее Мерзлых основным фреймом становится «Дом»³⁷, а в музее Фоминых смысловой рамкой оказывается «Сказка»³⁸. «История семьи» в этих случаях становится вторичным, *ситуационным фреймом*, который актуализируется в дискурсе конкретного типа, в первую очередь, с учетом его внутреннего контекста, т.е. особенностей ментальности участников коммуникации и ситуации общения (неформальной или формальной, одноканальной или многоканальной и т.п.). В одних случаях используемые в дискурсе ментальные модели оказываются имплицитными, поэтому нарративы о памяти строятся на свободно «считываемых» всеми участниками шаблонных схемах (*скриптах*). В других случаях применяются мультимодальные схемы с гибкими сценариями, когда экспликация тех или иных смыслов в нарративах существенно варьируется в зависимости от откликов собеседников (вопросов, уточняющих реплик и комментариев), отражающих их убеждения и установки.

Нарратив в рамках дискурс-анализа рассматривается как способ организации жизненного опыта, индивидуальной памяти и коммуникации, т.е. включает в себя *историю* («повествование о произошедшем событии»), *текст* как продукт повествования и *нарратацию* как способ его реализации. Как указывает И.В. Троцук, «чтобы речевое действие стало нарративом, репрезентацией ненаблюдаемых пространственно-временных конфигураций социальных практик, необходимо: 1) тщательно отобрать и прокомментировать события прошлого; 2) трансформировать эти события в элементы истории (сюжет, “декорации”, описание героев и т.д.); 3) создать временную организацию повествования так, чтобы она сама объясняла, почему и как события происходили»³⁹. Повествование должно быть организовано вокруг последовательных событий с учетом контекста повествования: позиции рассказчика и ситуации коммуникации⁴⁰. Важное значение имеют параметры ситуации, в которой осуществляется трансляция нарратива: ролевая структура (социальные отношения собеседников, их роли и статусы), модус общения (неформальное, полуофициальное или официальное общение, которое связано со степенью взаимной близости собеседников, интерактивность), компетенции участников коммуникации в рамках обозначенной темы (экспозиции, фреймированного пространства).

В семейном музее участниками коммуникации могут быть как представители «узкого круга» (члены семьи, друзья, знакомые), так и

³⁷ Краеведческо-этнографический семейный музей Виктора и Галины Мёрзлых...

³⁸ Матросова 2013.

³⁹ Троцук 2006: 62.

⁴⁰ Ярская-Смирнова 1997: 38.

иные посетители. В первом случае обращение к музейной экспозиции чаще всего происходит в формате *бытового общения*, которое предполагает наличие у всех участников коммуникации фонового знания о семейной истории и не предполагает подробных разъяснений о взаимоотношениях между членами семьи, их статусах и актуальных ролях. Это определяет и типы нарративов, представляющих семейную историю через общую семейную память, неформальность и диалогичность коммуникации («Помнишь, дедушка рассказывал?», «А это ведь мамыны туфли, в которых она была на свадьбе!», «Не скажешь, кто это на фотографии рядом с папой?» и т.п.), а также «свернутость» информации, ее иконичность, когда участники диалога могут ограничиваться лишь намеками, ссылками на известные им факты, вызывающие взаимную эмпатию.

Во втором случае существенно возрастает потребность в экспликации представленных в музее артефактов при помощи развернутых рассказов о важных членах семьи, реальных или вымышленных фактах их биографии (семейные предания и легенды), связи семейной и большой истории, т.е. в том, что иногда называют *бытийным дискурсом*. Необходимость учета контекстов, связанных с компетенциями посторонних лиц, вызывает потребность в выстраивании *ситуационных фреймов*, помогающих найти общее смысловое поле всем участникам коммуникации. Для этого используются элементы экспозиции, отсылающие к конвенциональным референтным смыслам, связанным с памятью данного социума, например, коллекции различных предметов «старого быта».

На прагматическую макроструктуру дискурса существенно влияет характер социальных отношений участников коммуникации, их статусы⁴¹. Например, общение взрослых с детьми или подростками в пространстве семейного музея предполагает трансляцию особых нарративов и дискурсивно-психологический фокус, в рамках которого коммуникативная инициатива будет принадлежать взрослому. Иначе организован статусно-ориентированный дискурс, который предполагает «институциональное общение», т.е. коммуникацию представителей разных социальных групп, реализующих свой статусно-ролевой потенциал. Здесь, как, например, в интервью представителю СМИ или ведущему опрос исследователю, коммуникативная инициатива не принадлежит хозяину музея. Проанализируем два показательных примера. В материале о семейном музее Ю.И. Лозовицкого (Ковель, Украина), опубликованном в газете «Сегодня»⁴², коммуникация проходит в пространстве музея, который корреспондент описывает как цельный фрейм («другой мир, интересный, интригующий») и обозначает историческую перспективу, связанную с этим пространством – «двухсотлетняя летопись большой семьи». Рубрикация текста статьи на уровне подзаголовков (*тематических ключевых выражений*)⁴³ задает наиболее важные, с точки зрения интервью-

⁴¹ Дейк 2000: 36 и след.

⁴² Домашний музей, за который дают «Волгу» 2004.

⁴³ Дейк 2000: 59-60.

ера, оси восприятия: глубина исторического среза («Детской колыбели – сто лет», «Здесь можно изучать историю»), семейная травма («Прадеда выменяли на собак»), ценность семейной памяти («Память не продается»). Они помогают уточнить особенности фреймирования данного пространства и обеспечивают эксплицитное выражение в дискурсе основных для внешнего наблюдателя тем (*макропозиций*).

Интервью с Ю. Лозовицким включает транскрипты, позволяющие выстроить вполне корректную модель статусно-ориентированного дискурса памяти. Хотя коммуникативная инициатива по определению принадлежит корреспонденту, часть вопросов задаются им с позиции ребенка (профана): «А что это?», «А откуда эта чудная вещь?». Это предполагает, что в этих точках диалога коммуникативная инициатива передается хозяину музея, который получает возможность развертывания нарративов, связанных с той или иной частью экспозиции. В ходе интервью могут возникать и другие типы отношений между участниками коммуникации, когда интервьюер встречается среди экспонатов музея знакомые ему вещи: «О, а вон ту “штучку” я в последний раз видел еще в детстве!». Перед нами ситуация «коммуникативной встречи», когда лежащие за конкретной вещью факты эпизодической памяти каждого из участников акта коммуникации образуют общее коммуникативное поле – *коммуникативную память*. Эксплицированные при этом значения, принадлежащие индивидуальной памяти каждого из участников коммуникации, фактически порождают новые коннотации в семантике данной вещи, актуализируя их общую культурную память на основе совместного эмоционального переживания и развертываемых нарративов.

Обратимся к анализу нарративов Ю. Лозовицкого в изложении автора статьи и рассмотрим используемые *нарративные структуры (схемы)* в соответствии с *тематическим репертуаром* данного типа дискурса⁴⁴. Первая из них связана с повествованием о семейной истории и истории музея и содержит топик «мотивы создания музея». «Якорная точка» в этом нарративе (по сути – семейном предании), которая позволяет дать обоснование создания и существования музея, – внук как продолжатель рода. «Главный вдохновитель этого музея – мой отец. Собирать экспонаты начал еще он. Прятал по разным закоулкам на нашем хозяйстве в селе Грушивка, где мы жили. А когда у меня родился сын, сказал: “Появился у нас продолжатель рода. Было бы хорошо все это сохранить. Для будущих поколений. Чтобы знали, откуда наши корни”»⁴⁵.

Следующий топик «предок – родоначальник» отсылает к семейной родословной, согласно которой предок Лозовицких происходил из Польши. «Нашего родоначальника, Семена Лозовицкого, который родился в 1800 году, привез сюда пан из-под Варшавы. Местный пан выиграл пять крестьян в карты у варшавского и поменял их на собак». Нарративы об основателе рода характерны для всех семейных музеев.

⁴⁴ Ср. Там же: 52.

⁴⁵ Домашний музей, за который дают «Волгу» 2004.

В большинстве случаев в качестве родоначальника выступает предок 3-4-го поколения. Обычно это тот, от кого сохранились некоторые вещественные следы – от семейных реликвий до портретов и фотографий. Более далекие предки упоминаются в родословной, и эти упоминания служат для утверждения значимости и глубины семейной истории (как, например, в музеях Недумовых и Агишевых). Хотя предок Лозовицкого крепостной крестьянин, что, казалось бы, предполагает ущербный статус, эта оценка снимается второй частью нарратива: «Обстоятельства сложились так, что Неля [дочь Ю. Лозовицкого] вышла замуж за польского священника – через 200 лет потомки Семена Лозовицкого снова связали свою жизнь с этой страной»⁴⁶.

Еще одним топиком, часто встречающимся в нарративах, связанных с семейными музеями и семейной памятью, является «увековечивание». Так, в планах Ю. Лозовицкого значится установление памятного знака в честь своих предков. Кроме того, «Юрий Иванович написал пять рукописей, в которых рассказывает о своем роде» и «хочет издать небольшим тиражом свою работу, чтобы она была у всех членов семьи»⁴⁷.

Важный топик – эмоциональная привязанность к родителям, которая в случае Ю. Лозовицкого проявляется в особо бережном отношении к их вещам и в коммеморативных практиках, осуществляемых в пространстве музея. «Среди рушников мамы и отцовских рубашек, аккуратно сохраненных и сложенных в уголке, писалось особенно легко. “Я здесь, в этих комнатах, всегда праздную дни рождения своих родителей. Прихожу сюда также и в день их смерти. 25 ноября у отца день рождения. В этот день я иду в музей, зажигаю свечи и пишу стихи, чтобы подарить их отцу. Отца нет уже 22 года. И есть 22 стихотворения...”»⁴⁸.

Как отмечает Т. Ван Дейк, «выделение топиков может быть субъективным. Текст как таковой не “обладает” какой-либо макроструктурой; она приписывается ему автором или читателем. В этом смысле темы, или топики, подобно всяким значениям, являются *когнитивными* единицами. Они отражают понимание текста, того, что было признано важным, и то, как эта важная информация организуется в памяти»⁴⁹. Макроструктуры, в свою очередь, «являются структурами самого дискурса и часто единственны в своем роде»⁵⁰. Они «порождаются» в процессе коммуникации и зависят от ситуативных факторов, в частности, от целей и установок участников дискурса, что важно для понимания сущности «дискурса памяти», поскольку он не является «застывшим», неизменным и может дополняться новыми смыслами.

Семейная память транслируется через конкретные вещи в составе экспозиции, которые, если рассматривать ее как текст, могут приобре-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Дейк 2000: 240.

⁵⁰ Там же: 49.

тать символические значения и выполнять функции *тематических ключевых выражений* – *экспликатур* или *индикаторов*. Предметы, которые в первую очередь демонстрирует Ю. Лозовицкий, – это оружие отца, символизирующее доблесть и мужественность, статус воина и защитника Отечества. «Детская плетеная колыбель, которой больше ста лет» в экспозиции символизирует продолжение рода, что вытекает и из семантики слова «колыбель» (ср. «колыбель цивилизации»), и из ее привязки к семейной истории в нарративе: «В ней слушали колыбельные мои дядя, тетка Степанида, отец, мой брат и я»⁵¹.

Для внешнего наблюдателя более важной оказывается вписанность макропропозиции в большую историю и ее связь с исторической памятью. Именно с этой точки зрения автор статьи описывает наполнение экспозиции. «Часы, купленные в 1953 году, когда умер диктатор Сталин, старое радио, которое, кажется, сейчас заговорит голосами полувекковой давности, нехитрые советские игрушки, которые вызывают трепетную ностальгию по детству... Здесь можно изучать историю. А вот и портреты вождей тех времен»⁵². Индикаторами эпохи, отсылающими к исторической памяти, выступают «диктатор Сталин», «портреты вождей», «советские игрушки».

В нарративе Ю. Лозовицкого акцент сделан на личной и семейной истории, излагаемой сквозь призму автобиографической памяти. «Этот маленький бюст Ленина стоял на столе в моем кабинете, когда я работал председателем колхоза. Это было в начале 90-х. Как-то ко мне зашел представитель района и, не поздоровавшись, швырнул этот бюст в мусорник: “Сколько этот идол здесь будет стоять?”. Я подобрал этот бюст. Отношение – отношением, но историю не перепишешь»⁵³.

Фактически в данном дискурсе сталкиваются две разных макропропозиции. Одна из них (интервьюер) предполагает резко негативную оценку советского политического устройства, манифестацией которого являются фигуры вождей, и, одновременно, «трепетно ностальгическое» отношение к советскому детству. Другая (Ю. Лозовицкий) демонстрирует склонность к компромиссу благодаря семейному преданию и фактам личной биографии, которые позволяют ему утверждать, что «отношение – отношением, но историю не перепишешь».

Семейный музей П.Н. Крылова (д. Матвеево Парфеньевского района Костромской области) посвящен родителям и находится в отдельном строении на территории усадьбы. «У нас появилась идея показать старую деревенскую жизнь. Мы построили мастерскую и обозвали “Домик о родных истоках” – вместо мастерской тут музей. И мы решили сохранить нашу старинную деревенскую мебель на первом этаже. Тут летняя кухня, дети собираются летом»⁵⁴. Музейное пространство

⁵¹ Домашний музей, за который дают «Волгу» 2004.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ПМА 2017; П.Н. Крылов.

основано на фрейме «память о родителях», включающем в себя подтемы «память о родительском доме» и «память о деревне». Об этом свидетельствуют визуальный скрипт при входе в музей, состоящий из трех старых фотографий, и сопровождающий его комментарий П.Н. Крылова. На первой, самой большой фотографии, изображена его мать, на второй – улица родной деревни, на третьей – дом родителей. «Мы решили сохранить память о деревне, о родительском доме. Просто – сохранить родительскую память. Вот так вот. Цель у нас такая»⁵⁵. Кроме ностальгических переживаний, один из побудительных мотивов организации музея – восстановить справедливость по отношению к родителям как типичным выразителям ценностей советской эпохи.

Макропропозицией в музее для П.Н. Крылова является «советское прошлое», на фоне которого разворачивается жизненный путь родителей. Биография и достижения матери представлены личными вещами, наградными грамотами, публикациями в прессе, в т.ч. с поэтическими сочинениями в ее честь. Отдельную часть экспозиции образует история отца, который был отмечен за свои трудовые достижения и удостоился упоминаний в местной прессе. «Идея у нас пришла это всё в памяти сохранить, потому что вот мама в четырнадцать лет уже пошла работать. А когда война началась, она села на трактор – в восемнадцать лет. Мужиков не было. В восемнадцать лет ее уже наградили медалью “За доблестный труд”. А папа, вот скажу, в сорок третьем году получил тяжелое ранение (у него правая рука как плеть висела). Его комиссовали, и он пришёл с одной рукой и тоже сел на трактор, пока мужики не пришли с фронта. И вот когда пришли с фронта, папа пошел в пастухи, мама пошла в доярки. В районе было сто двадцать четыре доярки! И она непосредственно своим трудом завоёвывала первые места. И вот этот переходящий вымпел из дома у нас не уходил. Она была избрана делегатом XXIII съезда, она вот сидит. И ей вручили первого героя Соцтруда. Вот здесь на фотокарточке можно видеть у нее два Ордена Ленина. Ну, про медали я уж не говорю!»⁵⁶.

П.Н. Крылов не расширяет рамки истории семьи хотя бы до третьего поколения (бабушек и дедушек). Данный исторический срез представлен у него деперсонализированным образом «предков» (локального сообщества), «памятью о деревне». Она воплощена в «этнографической» части экспозиции с вещами из заброшенных домов односельчан. Рассказ о «старом быте» у Крылова постоянно прерывается воспоминаниями о родителях и их жизни, в данном случае дискурс памяти устойчиво трансформируется в *дискурс о памяти*. «Вот это писали про маму стихи. <...> Вот это зеркало – восемнадцатого года. Вот этот платок – мама носила платок. Вот ее швейная машинка – племянник хотел на помойку выбросить, я не дал. Это сундучки из нашего дома. <...> Вот эти

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ПМА 2017; П.Н. Крылов.

лапти у нас на повити висели на чердаке, я еще маленький был. Они вот стоят здесь теперь. Вот этим лампами мы пользовались – свету-то не было, потом мы купили побольше лампу, абажур такой! Так светло в доме было! Вот эту собаку [= статуэтку] мама тоже откуда-то с Пленума привезла. Ухо откололи, но это о маме память. А это нам вот подарили пивную кружку [стеклянную], теперь такой не найдёшь. Вот такие кринки у нас даже в Матвеево делали. Вот этот радиоприёмничек папе подарили – он пастухом был. Сейчас таких не найдёшь, только в музеях. Это папин. А это вот – папа пастухом был – на коровах колокольчики»⁵⁷.

Много внимания в музее уделено демонстрации успехов детей и внуков, которые символически и фактически продолжают «славное прошлое» семьи. Их фотографии помещены на первом этаже музея, в комнате, где обычно проводятся совместные семейные застолья, и сопровождаются подробными комментариями с описанием их достижений.

Отдельный скрипт представляет собой настенный фотоальбом, размещенный над лестницей, ведущей в основной зал музея. Он заслуживает отдельного описания, поскольку репрезентирует типовую модель разворачивания дискурса памяти в такого рода музеях. Фактически это своеобразный «конспект» нарратива о семейной истории, состоящий из текстов (надписей) и визуальных материалов (фотографий), выстроенных по схеме, напоминающей «семейное древо», и в других музеях часто представленной в виде родословной. Этот культурный скрипт отсылает к хорошо понятным для носителей культурной традиции смыслам. Размещенная на самом верху надпись: «Дорогие родители! Мы Вас любим, помним и гордимся Вами!» – обрамляет три вертикально расположенных фотографии: мать и отец во время домашнего застолья; родители с детьми; бабушка с шестью внуками. Эта вертикаль считывается как связь трех поколений семьи и подкрепляется расположенными по сторонам фотографиями с фактами из их жизни: дни рождения, выпускные вечера, свадьбы и другие знаменательные события. Некоторые фотографии сопровождаются подписями, которые эксплицируют скрытые за ними смыслы. Под фотографией старшего брата: «Гармонь – любовь всей жизни Николая Крылова»; под фотографией старшей сестры: «Шура с Ершовой Татьяной в деревне Тихоново»; под своей фотографией: «Павел – студент московского строительного техникума». Этот скрипт для П.Н. Крылова существует в виде сценария с определенным сюжетом, который он разворачивает в своем нарративе, комментируя данную композицию. В случае замечаний и вопросов других участников дискурса нарратив может видоизменяться, дополняться сюжетными ответвлениями. Воспоминания порождают коммуникативную память, она является результатом дискурсивных практик, «живой» памятью, и охватывает содержание памяти, постоянно меняющееся в процессе коммуникации.

⁵⁷ Там же.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о существенной зависимости дискурсов памяти в пространстве семейных музеев от ситуативных факторов. Семейная история может разворачиваться на фоне большой истории или в контексте биографического нарратива, который, в свою очередь, определяется наличием общего коммуникативного поля участников диалога. При сравнении рассмотренного выше музея Ю.И. Лозовицкого с музеем П.Н. Крылова можно констатировать, что первый из них демонстрирует значительно большую глубину семейной памяти, что обусловлено интересом к истории семьи не только самого организатора музея, но и его отца; т.е. занятие историей семьи является семейной традицией. Память, транслируемая в музее П.Н. Крылова, не обладает большой глубиной и охватывает период жизни только четырех поколений. Масштаб личности и значимость трудового подвига матери оттесняет в экспозиции на задний план других членов семьи (отца, детей и внуков). В обоих случаях в дискурсе при воспоминаниях о родителях актуализируется «живая» социальная и автобиографическая память. Но есть различие: музей Ю.И. Лозовицкого опирается на «опосредованную» и «долговременную» историческую память, а в музее П.Н. Крылова доминирует «короткая» историческая память⁵⁸. В воспроизводимых при этом нарративах приводятся воспоминания о родителях, детстве, «старой жизни», которые помогают воссоздать семейную историю в необходимом ракурсе, внести в нее нотки героизма и пафоса.

ИСТОЧНИКИ

- Альперина С. Хранитель. Семейный музей Валерий Агишев создал в одиночку в подвале загородного дома // Российская газета – Неделя. 2015. № 17 (6588). <http://www.rg.ru/2015/01/29/muzei.html>
- Баркова М. Семья из 20 человек каждое Рождество устраивает дома театр // Комсомольская правда. Самара. <https://www.samara.kp.ru/daily/25618.07/785234/> (07.01.2011).
- Бывшему губернатору и сенатору при жизни открыли личный музей // Информационное агентство 'Znak'. Картина дня. https://www.znak.com/2019-03-28/byvshemu_gubernatoru_i_senatoru_pri_zhizni_otkryli_lichnyy_muzei
- В Тольятти семья собрала музей из вещей своих предков // ГТРК Самара. Лента новостей. <https://tvsamara.ru/news/v-tolyatti-semya-sobrala-muzei-iz-veshei-svoikh-predkov> (22.10.2019)
- Домашний музей открыли жители Губино // ТВ «Аист». Новости Ликино-Дулевского округа. <http://informc.ru/news/kultura/domashniy-muzey-otkryli-zhiteli-gubino> (26.07.2018).
- Домашний музей, за который дают «Волгу» // Сегодня № 266 (1910) <https://www.segodnya.ua/oldarchive/c2256713004f33f5c2256f5600441e16.html> (23.11.2004)
- Истомина И.А. Домашний музей старовера: окно в прошлое // Рябининские чтения – 2015. Петрозаводск: Музей-заповедник «Киж», 2015. С. 584.
- Каменецкий И.С., Каулен М.Е. Музеефикация памятников // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. С. 390-393.
- Каулен М.Е. и др. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47-68.
- Краеведческо-этнографический семейный музей Виктора и Галины Мёрзлых // Открытый Север. Туристический портал Архангельской области. https://www.pomorland.travel/what-to-see/semeynyy-muzey-myerzlykh/?fbclid=IwAR1uPx8zR9-bEl_woXXBzR40PzuSVM-1njrPZmZTfwgwnv1AOczk6iccx5 (12.04.2020).
- Кузнецов В. Как семья Тихоновых сделала село Кирово одним из центров духовной культуры Орловщины // Телеканал «Россия 1». Орловское информбюро. Передача «Аграрный вопрос». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F58EbQyY6vw> (16.05.2016)

- Матросова Е. Колодец живой воды // Земля нижегородская. <https://zem-nn.ru/?p=7521> (26.09.2013)
- Назина Т. Домашний музей: всё началось со свистка // Orenonline.ru. Обл. информ. портал. <https://orenonline.ru/news/obshhestvo/domashnij-muzej-vsyo-nachalos-so-svistka/> (01.01.2019)
- Полевые материалы авторов (ПМА) 2014; братья Г. и А. Тихоновы, с. Кирово Городище Сосковского района Орловской области.
- Полевые материалы авторов (ПМА) 2017; П.Н. Крылов, род. в 1947 г., д. Матвеево Парфеньевского района Костромской области.
- Равикович Д.А. Классификация музеев // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. С. 273.
- Сокольский С. Дом Вильямсов в Тимирязевке // CozyMoscow. <https://cozymoscow.me/mesta/dom-vilyamsov-v-timiryazevke.html>
- Частные музеи России. География проекта. <https://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya>
- Частные музеи России. Самородки России / под ред. А. Ю. Шабурова. М., 2019. 1020 с.
- Юхнёва Е.Д., Юхнёва Е.В. Историко-бытовая музейфикация жилых кварталов Петербурга – новая актуальная задача современного регионоведения // Теория и практика регионоведения. Т. 2. Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции. Кн. 2. СПб., 2018. С. 256-280.
- Этнографический музей «Квартира доходного дома им. Н.В. Юхнёвой» приглашает в гости // Музей-квартира. https://vk.com/muzey_kvartira

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 370 с. [Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 370 s.]
- Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2008. С. 19-49. [Vasil'yev A.G. Sovremennyye memory studies i transformatsiya klassicheskogo naslediya // Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug, 2008. S. 19-49.]
- Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. 752 с. [Gofman I. Analiz freymov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. M.: Institut sotsiologii RAN; FOM, 2004. 752 s.]
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с. [Deyk van T.A. Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 s.]
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Д. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 336 с. [Yorgensen M.V., Phillips L.D. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. Khar'kov: Gumanitarnyy tsentr, 2008. 336 s.]
- Карасик В.И. Интерпретация дискурса. Топик, формат, модус // Известия ВолГПУ. 2015. № 1(96). С.73-79. [Karasik V.I. Interpretatsiya diskursa. Topik, format, modus // Izvestiya VolGPU. 2015. № 1(96). S. 73-79.]
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с. [Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGG «Gnozis», 2003. 280 s.]
- Нора П. и др. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. 328 с. [Nora P. i dr. Frantsiya-pamyat'. SPb.: SPbGU, 1999.]
- Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82-99 [Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kul'turnoy pamyati // Novoye proshloye / The New Past. 2016. № 1. S. 82-99]
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с. [Riker P. Pamyat', istoriya, zabveniyе. M.: Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2004. 728 s.]
- Рождественская Е.Ю., Семенова В.В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР. 2011. 1/6. С. 27-48 [Rozhdstvenskaya E.Yu., Semenova V.V. Sotsial'naya pamyat' kak obyekт sotsiologicheskogo izucheniya // INTER. 2011. 1/6. S. 27-48]
- Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Уникум-центр, 2006. 207 с. [Trotsuk I.V. Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sotsiologii. M.: Unikumtsentr, 2006. 207 s.]

- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с. [Hal'bvaks M. Sotsial'nyye ramki pamyati. M.: Novoye izdatel'stvo, 2007. 348 s.]
- Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 1. С. 4-11. [Shub M.L. Sotsial'naya, kollektivnaya i kul'turnaya pamyat': novyy podkhod k opredele-niyu smyslovykh granits ponyatiy // Observatoriya kul'tury. 2017. T. 14. № 1. S. 4-11].
- Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38-61 [Yarskaya-Smirnova E.R. Narrativnyy analiz v sotsiologii // Sotsiologicheskij zhurnal. 1997. № 3. S. 38-61].
- Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. L.; N.Y.: Longman, 1995. 265 p.
- Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. 259 p.
- Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics. Vol. 3 / ed. by P. Cole and J.L. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 43-58.
- Jarvis W.E. Time capsules: a cultural history. Jefferson, N.C.: McFarland & Co., 2003. 321 p.
- Jorgenson M., Phillips L. Discourse analysis as theory and method. London; Thousand Oaks: Sage Publications, 2002. 229 p.
- Methods of critical discourse analysis / ed. by R. Wodak and M. Meyer. London; Thousand Oaks: SAGE, 2001. Pp.209.

Морозов Игорь Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник; Центр кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН; mianov@rambler.ru

Ирина Семеновна Слепцова (Кызласова), старший научный сотрудник, Отдел русского народа, Институт этнологии и антропологии; I_Kyzlasova@mail.ru

Memory discourses in museum format contemporary narratives of family history

The paper analyzes the communicative practices associated with the translation of group and individual memory in family (home) museums, the principles of organizing space and subject filling of expositions, methods of their framing and symbolization. The study considers the parameters of situations in which memory narratives are translated, which are built both on template schemes (scripts) and on multimodal schemes with flexible scenarios. The discourse of memory meanings in the process of problematization of the museum space, while the explicated meanings, which belong to the individual memory of each of the participants in communication, generate new connotations, updating the common cultural memory on the basis of shared emotional experience and deployed narratives.

Key words: family museum, museum space, individual and collective memory, memory discourses, family history, narrative

Igor Morozov, Dr. Sc. (History), chief research fellow, Department of Cross-Cultural Psychology and Human Ethology, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science; e-mail: mianov@rambler.ru

Irina Sleptsova (Kyzlasova), senior research fellow, Department of Russian People, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; I_Kyzlasova@mail.ru